

Музыка и судьба

Tatyana BERSHADSKAYA
Remembering dear friends
of the long-gone youth
*On the centenary of the birth
of N. A. Goryukhina and L. A. Ryabkova*

Memoirs of an outstanding musicologist Tatyana Bershadszkaya, an Honoured Art Worker of the Russian Federation, Professor of the St. Petersburg Conservatory, devoted to the years of adolescence: her years of study in the music school named after N. A. Rimsky-Korsakov and in the Leningrad Conservatory, life in the besieged city. In the center of the narrative are fellow classmates and close friends of T. S. Bershadszkaya, musicologists Nadezhda Goryukhina and Lyubov Ryabkova.

Keywords: T. S. Bershadszkaya, N. A. Goryukhina, L. A. Ryabkova, Music College named after N. A. Rimsky-Korsakov, the Leningrad Rimsky-Korsakov State Conservatory, the Leningrad blockade.

Татьяна БЕРШАДСКАЯ
Вспоминая дорогих друзей
далекой юности
*К столетию со дня рождения
Н. А. Горюхиной и Л. А. Рябковой*

Воспоминания выдающегося музыковеда, Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, профессора Санкт-Петербургской консерватории Татьяны Сергеевны Бершадской, посвященные годам юности — обучения в музыкальном училище имени Н. А. Римского-Корсакова и Ленинградской консерватории, жизни в блокадном городе. В центре воспоминаний — соученицы и близкие подруги Т. С. Бершадской, музыковеды Надежда Александровна Горюхина и Любовь Александровна Рябкова.

Ключевые слова: Т. С. Бершадская, Н. А. Горюхина, Л. А. Рябкова, музыкальное училище имени Н. А. Римского-Корсакова, Ленинградская консерватория, блокада Ленинграда.

В текущем 2018 году исполнилось сто лет со дня рождения двух моих дорогих подруг — Надежды Александровны Горюхиной и Любви Александровны Рябковой. Н. А. Горюхина — известный музыковед-теоретик, педагог, музыкальный деятель, профессор, исследователь проблем сонатной формы, автор множества работ об украинской народной и профессиональной музыке. Л. А. Рябкова — музыковед-историк, преподаватель музыкальной литературы в школе-десятилетке при Ленинградской консерватории, в Музыкальном училище имени Н. А. Римского-Корсакова. О многолетней дружбе с ними, дружбе, выдержавшей испытание временем, вынужденной разлукой военных лет, расстоянием, пойдет мой рассказ.

Весна 1938 года. Я только что окончила среднюю школу, получила аттестат зрелости и, вместо того, чтобы идти

поступать на математический факультет Университета, куда я всерьез собиралась, как-то неожиданно даже для самой себя поступила в Музыкальное училище при консерватории на недавно (в 1935 году) открывшееся там историко-теоретическое отделение. Это отделение только формировалось и совершенно официально имело всего три курса — третий, четвертый и пятый; его учредители считали, что раньше, чем быть теоретиком, необходимо проучиться хотя бы два года на каком-либо из исполнительских отделений. Таким образом, в 1938 году отделение отмечало свой первый выпуск. Тем не менее, учитывая мой аттестат зрелости, а также свидетельство об окончании фортепианного отделения районной музыкальной школы, меня приняли прямо на третий курс и даже разрешили совмещать с посещением предметов старших курсов, чтобы я смогла закончить обучение за два года. Так и произошло мое

Татьяна Бершадская

Надежда Горюхина

Любовь Рябкова

знакомство с Надеждой Александровной и Любовью Александровной, бывшими в то время студентками четвертого курса, и началась наша дружба — наше «трио», как нас называли. Справедливее, впрочем, было бы начать с «дуэта», сложившегося задолго до моего появления в училище, — «дуэта» Нади Горюхиной и Любы Рябковой.

В их союзе было что-то особенное, судьбой предначертанное. Начать с того, что даже отчество у них одинаковое, хотя родственниками они, конечно, не были. Они родились в одном и том же 1918 году: Люба в феврале, Надя — в сентябре. В одном и том же году (в 1935) поступили на одно и то же музыкально-педагогическое отделение музыкального училища, которое готовило учителей музыки и пения для детских садов и общеобразовательных школ. На третьем курсе они одновременно перешли на недавно открывшееся историко-теоретическое отделение — возможно потому, что ни та, ни другая не обладали певческими голосами, а на музыкально-педагогическом отделении одним из обязательных предметов был вокал и постановка голоса.

Одновременно Люба и Надя окончили училище, поступили в консерваторию, а после, разделенные войной, вновь нашли друг друга и продолжали дружить, живя в разных городах. И покинули они этот мир в один и тот же 1998 год и в той же последовательности, в которой родились: сначала Люба, а вслед за ней — Надя. Люба долго болела, последние месяцы ей требовался круглосуточный уход. Я дежурила около нее в очередь с ее родными и буквально приняла ее последний вздох. Не успела я отойти от этой потери, как на меня обрушилась телеграмма о кончине Нади. Их уход из жизни стал для меня страшным ударом. Я как будто осиротела. Эти слова не означают, что кроме Любы и Нади у меня

не было друзей. За свою долгую жизнь я обрела их немало, в том числе и очень близких; меня окружала семья. Но Люба и Надя были особенными: они — из далекой юности, с самого светлого периода моей жизни, не замутненного еще бедами, драмами, потерями последовавших зрелых лет. Они словно олицетворяли символ своих имен — «Надежда» и «Любовь», в нерушимость которых свято верилось в те юные годы. И в этом смысле дружба с ними была неповторима.

Немного мистики: Война унесла мою сестричку, ее звали Вера. В живых осталась сестра много старше, ее звали София. Не символично ли?

Но вернемся к истории нашей дружбы. Я «прибилась» к дуэту «Надежды и Любы» на четвертом курсе, и эта формула 2 + 1 долго ощущалась. Они были старше: мне только что исполнилось 17, а им было уже по 20. Три года не имеют значения, если одному 60, а другому 63. Но в 17 и 20 — это большая разница. Они сразу взяли надо мною шефство, опекали и воспитывали, вводили меня, вчерашнего школяра, в совершенно другую студенческую, «взрослую» жизнь. Словом, долгое время были для меня как старшие сестры. Мы крепко дружили и свободное время часто проводили вместе. Вместе посещали концерты, лекции... Тем не менее, мы были очень разными. Я — типичный экстраверт, шумная, громогласная, открытая к общению, всегда бывшая в центре общественных событий. Люба и Надя — скорее интроверты. С людьми они сближались очень избирательно, раскрывались даже в обществе друзей не до конца. Так, о том, что Надя одновременно с историко-теоретическим отделением экстерном окончила также фортепианное, мы с Любой узнали только *post factum*.

Педагоги и студенты историко-теоретического отделения музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова. Выпуск 1940 года. Стоят, слева направо: Н. Горюхина, Л. Рябкова, И. Б. Финкельштейн (анализ музыкальных форм), Т. Бершадская, Н. Г. Привано (гармония). Сидят, слева направо: И. Хрущевич, Э. Л. Фрид (музыкальная литература) с дочкой Наташей, А. Г. Гельфингер (сольфеджио), Н. К. Корчинский (полифония)

Было между нами еще одно различие, где формула $2 + 1$ несколько меняла структуру: мы с Любой жили в центре Ленинграда. Она — на Суворовском, я — там же, где и сейчас — возле Исаакиевской площади. До училища можно было добраться пешком, что я нередко и проделывала, экономя (трамвайные) 15 копеек: за 11 копеек можно было купить продававшуюся поштучно мою любимую конфету «Соевый батончик». Надюше было труднее, она жила за городом в чудесном курортном городке Сестрорецке, на берегу Финского залива — от Ленинграда километров 35. Поезд, тогда еще не электричка, шел около часа. До финской войны, пока Выборгский район не был присоединен к Ленинграду, Сестрорецк считался городом почти пограничным с Финляндией, и помню, что во время финской войны Надюше случалось несколько раз треть пути (от Сестрорецка до Горской) проходить пешком — поезда до Сестрорецка не доходили (шли только до Горской).

Даже странно представить себе, как легко такие вещи переживались в наши юные годы.

Вспоминаю, как в дни блокады мне иной раз (так как трамваи ходили с перебоями) приходилось идти пешком из моего центра до Удельной. Туда, с набережной Невы, спасаясь от обстрелов, переехал детский садик № 39, в котором с первого января 1943 года и до 1 октября 1946 года я работала музыкальным воспитателем.

В Сестрорецке у Надиных родителей был дом и целое хозяйство. Ее мама замечательно готовила, и Надя нередко приезжала нагруженная банками и пакетами, наполненными различными вкусностями, которыми она кормила нас с Любой в перерывах между уроками. Расскажу об одном трогательно-забавном случае. Как-то, собравшись полакомиться привезенной Надей потрясающе вкусной маринованной корюшкой, мы забыли запереть дверь класса, и только приготовились трапезничать, как дверь отворилась и вошел наш любимый педагог по гармонии Николай Георгиевич Привано. Увидев наш стол, он вытаращил глаза от изумления. Мы с Любой остолбенели от смущения, а Надя очень спокойно обра-

тилась к Николаю Георгиевичу: «Николай Георгиевич, хотите попробовать корюшки?» И он так же спокойно ей ответил: «Давайте». К нам с Любой вернулось дыхание, и застолье продолжалось уже вчетвером.

Вариант этой ситуации возымел место через несколько лет, уже после войны. О нем любила рассказывать в своих воспоминаниях его участница, правда, пассивная, Екатерина Александровна Ручьевская. Дело было в Большом зале Филармонии. На пари, на которое она меня подбила, я стала угощать семечками Христофора Степановича Кушнарёва. Правда, не в пример Николаю Георгиевичу, он вежливо отказался, предложив перенести угощение на другой раз. Тем не менее, пари — пирожное — я у Кати выиграла, и мы, разделив пополам, его тут же с удовольствием съели.

Весной 1940 года мы трое, окончив училище, поступили в консерваторию. Как ни странно, резкой перемены мы не ощутили. Дело в том, что училище, как я говорила, было «при консерватории», и в то время это были не просто слова. Мы действительно учились «при консерватории»: испросив разрешение, могли ходить на лекции, пользоваться библиотекой, читальным залом, посещать все мероприятия, а их было много, даже по нашей специальности — лекции, диспуты, обсуждение книг, защиты диссертаций. (Так, вспоминаю, как Сергей Алексеевич Павлюченко пытался защитить как кандидатскую диссертацию свой известный учебник «Элементарная теория музыки». Увы, это ему не удалось. Позднее он защитил диссертацию уже на другую тему.) В консерватории мы вновь встретились с теми же педагогами, которые вели занятия у нас в училище: гармония — Николай Георгиевич Привано, анализ музыкальных форм — Ада Григорьевна Шнитке, история музыки — Галина Тихоновна Филенко. Пожалуй, одним из новых, действительно ярких впечатлений были лекции Романа Ильича Грубера и, прежде всего, он сам. Повторю почти дословно написанное мною в воспоминаниях, не так давно опубликованных в журнале «Музикус»¹. Он выделялся даже внешностью. Невысокий, но с большой головой и очень крупными чертами лица. В эпоху преимущественно гладко выбритых, он носил густую курчавую черную бороду, из которой выглядывали румяные розовые щеки и острые пытливые глаза. На лекции он не шел, а шествовал, сопровождаемый процессией учеников, которые на вытянутых руках несли груды фолиантов редких старинных изданий. Сам он нес в каждой руке по два объемистых портфеля. Войдя в класс (мы занимались в дирижерском классе, где стояли два огромных концертных рояля), он выгружал всю принесенную литературу на эти рояли и ... ни одно из изданий ни разу не открывал, только иногда, касаясь рукой какого-либо из них, цитировал тексты наизусть.

В программе раздел его курса обозначался как «История зарубежной музыки» до Бетховена включительно. На самом деле, с сентября примерно по март мы слушали историю возникновения музыки, начиная с племен Кубу и Ведда, и далее музыку древнего Египта, Вавилонии, Греции, Македонии и т.д. Он вдохновенно описывал характер музыки каждой из стран, ее интервалы, эмоциональный настрой, тембры инструментов, а заканчивал рассказ о каждой стране словами: «музыка этого периода до нас не дошла». Оказывается, свои впечатления он формулировал на основе рисунков наскальной живописи или имеющихся литературных источников. Музыка от Палестрины до Бетховена уделялись апрель и май, материал читали, главным образом, ученики Романа Ильича. Сам он обычно ограничивался несколькими словами, прибавляя: «Ну, это вы, конечно, знаете, это, конечно, вам известно», хотя очень многое известно нам не было. Тем не менее, слушать его было интересно: он являл собой образец, эталон ученого, полностью погруженного в предмет своего исследования. Нам он излагал материал своей, впоследствии известной, а тогда еще не изданной книги «Всеобщая история музыки». Печаталась она в блокадном Ленинграде, но это уже другая история.

Вообще консерватория 1930–1940-х годов кипела жизнью. Прежде всего, это была «Обитель богов». В коридорах можно было запросто встретить Шостаковича, Софроницкого, Браудо, Щербачёва; знаменитых певцов, артистов Мариинки, красавца Руслана Андреева, легендарного Гришку Кутерьму — Ершова, любимую женщину Блока — Андрееву-Дельмас (в ту пору страшную растрепанную рыжую старуху) и других. В оперной студии стараниями дирижера Николая Семеновича Рабиновича, преподавателей и студентов вокального и оперно-режиссерского факультетов шли спектакли, которые в ту пору нигде в городе нельзя было услышать: оперы «Бастьен и Бастьенна» и «Похищение из сераля» Моцарта, «Тайный брак» Чимарозы, оперетту «Корневильские колокола» Планкета. Мы были счастливы окунуться в это кипящее творческой жизнью море.

Незаметно подошел к концу первый курс. Последний экзамен — самый страшный — «История музыки» у Грубера был назначен на 24 июня 1941 года. 22-го мы почти всем курсом собрались в классе № 3, чтобы совместно готовиться к этому страшному экзамену. Но случилось более страшное — началась война. И всё вокруг сразу резко изменилось, словно оборвалось. У меня до сих пор при воспоминании об этой точке моей жизни возникает острое, почти физически реальное ощущение: яркий солнечный свет вдруг погас, и воцарилась кромешная тьма, изредка освещаемая мерцанием вскорее реально возникшей в нашем быту коптилки — фитилька, опущенного в горячую жидкость, подобно церковной лампадке.

¹ См.: Бершадская Т. С. Alma mater: признание в любви // Musicus. 2016. № 2. С. 3–12 (примеч. редакции).

Т. Бершадская (стоит шестая слева) с воспитанниками и сотрудниками детского сада № 39. Справа от Т. Бершадской заведующая Е. М. Дубянская (в прошлом ученица студии Э. Жак-Далькроза); третья слева в следующем ряду — Лена Шишко (впоследствии профессор специального фортепиано Ленинградской консерватории)

На следующий день (23 июня) нас собрали в Малом зале и сообщили, что в консерватории создается штаб МПВО — местной противовоздушной обороны, — и мы все становимся бойцами, помогающими этой обороне круглосуточными дежурствами. Таким образом, мы переходили на казарменное положение (то есть жили в классах консерватории, куда привезли кровати из общежития). Домой отпускали только по распоряжению командира команды, в которую были распределены. Нас разбили на три команды: «дегазационную», «санитарную», «управления и связи». Я попала в последнюю, Любу освободили по семейным обстоятельствам. Связь с Надей мы почти сразу потеряли, ведь она жила в прифронтовом городе. Впрочем, и весь наш Ленинград вскоре стал прифронтовым и даже просто фронтовым.

В конце августа консерватория эвакуировалась в Ташкент. Оставшаяся в Ленинграде кучка студентов и профессоров, пока были силы, храбро продолжала учиться и учить, вперемежку с дежурствами, бомбежками и обстрелами, в классах с ноября без освещения и отопления (на улице в январе и феврале мороз достигал минус 42 градуса).

Как только началась навигация, Люба с семьей эвакуировалась в Сибирь, и вскоре я получила от нее письмо из Кемерово. Ей повезло: она нашла работу преподавателя МУЗО (так назывался предмет музыкального образования) в ремесленном училище. Переписка стала регулярной. В письмах по ее просьбе я нередко посылала ей записанные на память по слуху песни из постоянно идущих военных кинофильмов. Поскольку я далеко не Глазунов, вполне допускаю, что в записи аккомпанемента могли быть неточности. Тем не менее, по свидетельству Любы, ее ремесленники горячо меня благодарили и упоенно распевали присланные мною «партитуры».

Занятия в консерватории постепенно сокращались. Педагоги уезжали или умирали. Уехали М. С. Друскин и Р. И. Грубер. Умерли Л. Е. Аб, С. Н. Соловьев, Р. И. Мервольф, Е. Ф. Дауговет, В. Н. Верб, Н. С. Поляк (привожу имена тех, судьба которых мне достоверно известна).

Как студентка, я получала продовольственную карточку категории «служащая» (печально известные 125 грамм хлеба) и весной решила изменить статус:

поступила в военно-ремонтные мастерские, сперва ученицей, а через месяц полноценной сотрудницей, получив квалификацию «сборщик-оптик четвертого разряда». Эта запись открывает мою трудовую книжку. Такая работа давала мне карточку категории «рабочий» (норма хлеба увеличивалась вдвое). А еще через полгода — с 1 января 1943 — меня пригласили на должность музыкального педагога в детские сады моего района. И так берет начало мой музыкально-педагогический стаж, семидесятипятилетие которого я с друзьями-коллегамии отметила в текущем 2018 году. В детских садиках я проработала четыре года и всегда с самым теплым чувством вспоминаю своих детишек.

Итак, из нашего «трио» в блокадном Ленинграде осталась я одна. Одна, ликуя, встретила 27 января 1944 года — день снятия блокады, одна слушала обращенный к нашему городу из всех включенных на полную мощность радиоточек страны торжествующий голос легендарного Левитана: «Граждане ленинградцы! Обстрелы вам больше не угрожают!» То, что значили эти слова для нас, узников блокады, до конца понять, наверное, сможет только тот, кому довелось пережить ужас внезапного артиллерийского удара, все время, постоянно и напряженно ожидаемого и все же каждый раз неожиданного. Он мог возникнуть в любое время дня и ночи, застать вас в любой точке пространства: на улице, дома за столом, в постели... О нем невозможно было предупредить так, как воздушная разведка, следя за движением самолётов, предупреждала население о готовящейся бомбежке. (Впрочем, вскоре мы и сами научились по звуку отличать вражеские самолеты от своих.) Именно своей непредсказанностью первый удар артиллерии был особенно страшен. А Левитан пообещал, что этого больше не будет, ЧТО С ЭТИМ ПОКОНЧЕНО!!! Можно ли удивляться, что 27 января я ежегодно отмечаю как самый светлый праздник.

С окончанием обстрелов затихли, а вскоре и совсем прекратились бомбежки. Война отступила от города на запад. В Ленинград стали возвращаться эвакуированные. Вернулась консерватория; вернулась из Кеморова Люба, и День Победы — 9 мая — мы встречали уже «дуэтом». А вскоре нашлась и Надя. О том, что с ней случилось и как она оказалась в Киеве, первой узнала Люба уже после окончания войны — ее разыскала Надя. Радости нашей не было предела. В Киеве Надя окончила консерваторию, причем так же, как и училище, по двум факультетам (музыковедческому и фортепианному). В дальнейшем в том же Киеве Надя защитила доктор-

скую диссертацию, а впоследствии возглавила кафедру теории музыки. Общение возобновилось немедленно, но, увы, только на расстоянии и несколько в других формах.

Профессиональное направление деятельности Любы и Нади не совпадало: Надя была теоретиком, Люба — историком. Но житейские связи между ними оставались такими же крепкими. Они постоянно перезванивались и даже ездили друг к другу в гости. Между мной и Надей укрепились и расширились связи творческие, профессиональные. Мы обменивались концепциями, точками зрения, встречались на конференциях, чаще всего в Москве. Надя первая защитила докторскую диссертацию и потом была оппонентом на моей докторской. Многократно бывала у нас в консерватории председателем государственной комиссии. Бывала и я в Киеве. Словом, творчески мы общались постоянно.

В истории музыковедческой науки и Люба, и Надя оставили заметный, хотя и разный след.

Люба — ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА РЯБКОВА — музыковед-историк, преподаватель музыкальной литературы, чьи уроки и лекции навсегда запомнятся слышавшим ее ученикам. Это был тонкий музыкант, мыслитель, глубокий знаток истории не только музыки, но и литературы, живописи и даже балета: будучи студенткой и аспиранткой Александра Вячеславовича Оссовского, она написала замечательную дипломную работу и незаконченную диссертацию о балетах Глазунова. Интереснейший собеседник, с которым говорить можно было часами, она, к сожалению, не публиковала свои труды. Так сложилась жизнь. Ее след, яркий и незабываемый, остался только в памяти тех, кто имел счастье ее знать и общаться с ней лично.

Надя — НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА ГОРЮХИНА — широко известна музыкальной общественности. Музыковед-ученый, доктор искусствоведения, профессор, много лет заведовавшая кафедрой теории музыки Киевской консерватории, она создала целую школу своих последователей. Ее столетие было отмечено на международном уровне. Широко известны работы Надежды Александровны о сонатной форме, ее эволюции, стилевых и жанровых разновидностях. Живя и работая в Киеве, Н. А. Горюхина много сил и внимания посвятила украинской музыке, народной и профессиональной. Ее след в музыковедении не требует комментариев.

О том, какой след Надежда и Любовь оставили в моей жизни, и повествует этот рассказ.